НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ОКНО"

КНИГА ТРЕТЬЯ

Вообразите себя въ студенческой комнатѣ, гдѣ нибудь на Кривоарбатскомъ переулкѣ. Дѣло происходитъ въ 1905 году. Идетъ страстный споръ. Группа студентовъ - марксистовъ оспариваетъ у группы студентовъ - народниковъ монополію на спасеніе міра. Спорятъ страстно, до хрипоты. Голова — мутная отъ сизаго табачнаго дыма и отъ крика. Вдругъ кому то приходитъ въ голову счастливая мысль — открыть окно. Въ душную комнату врывается струя свѣжаго воздуха. Спорщики начинаютъ успокаиваться. И скоро страстный диспутъ смѣняется дружной студенческой пѣсней...

Эта ассоціація, навѣянная нѣсколько неожиданнымъ названіемъ парижскаго сборника — «Окно» — однако, не вполнѣ случайна: въ душной эмигрантской комнатѣ, насыщенной страстными политическими спорами, кто то окрылъ окно... Вѣдь вотъ пестрѣютъ имена Бунина, Шмелева, Гиппіусъ — и никакихъ диспутовъ, ни слова о «миссіяхъ», объ «эмиграціи». Хлынула струя свѣжаго воздуха. Бунинъ и Шмелевъ здѣсь не «идеологи», а художники. Гиппіусъ никого не обличаетъ, а спокойно вспоминаетъ прошлое.

***

Сборникъ открывается бунинскимъ разсказомъ «Въ ночномъ Морѣ». Двое старыхъ знакомыхъ неожиданно встрѣтились, послѣ двадцатитрехлѣтней разлуки, на пароходѣ, и подводятъ итоги жизненному пути. Ихъ связываетъ въ прошломъ тяжестная эпизодъ. Но «прошлое — вздоръ». Они спокойно бередятъ старыя раны. Много ужаснаго пережито. Но «сплошной ужасъ» совсѣмъ не страшно». Разсказъ на тему о тургеневскомъ «Самое страшное — то, что нѣтъ самаго страшнаго». Разсказъ - съ избыткомъ резонерства, но все же типично «бунинскій».

Повѣсть Ив. Шмелева «Солнце мертвыхъ» (любопытное совпаденіе: совершенно такъ же озаглавилъ французскій писатель Камиль Моклеръ свой послѣдній романъ: «Le Soleil des Morts») эта повѣсть отчасти знакома читателямъ по отдѣльнымъ отрывкамъ, помѣщавшимся авторомъ въ нѣкоторыхъ газетахъ. Эта повѣсть — еще одно доказательство той простой истины, что еще не пришло время для художественнаго отображенія русской трагедіи. Отдѣльные эпизоды повѣсти, рисующей Крымъ періода гражданской войны, голода и мора, производятъ потрясающее впечатлѣніе. Но это впечатлѣніе - какъ то не нѣжкомъ «художественное», скорѣе — ощущеніе физической боли. Налетъ истеричности искажаетъ обликъ большого писателя.

И не парадоксально ли, что разсказъ въ формѣ монолога Тэффи «Предѣлъ», трактующій о «человѣческомъ слишкомъ человѣческомъ», внѣ апокалипсическихъ ужасовъ недавней современности, внѣ каннибализма и взаимнаго истребленія, — что этотъ разсказъ производитъ, пожалуй, болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ нагроможденные ужасы Шмелева. Тэффи больше смотритъ въ душу человѣческую, чѣмъ — на внѣшнюю стихію разрушенія. Тихая слеза иногда больше дѣйствуетъ, чѣмъ пронзительный крикъ? «Предѣлъ» — повѣсть о неудачникѣ, о «лишнемъ человѣкѣ», можетъ быть, о самомъ обыкновенномъ человѣкѣ, изжившемъ всѣ иллюзіи. Онъ тяготится своимъ «уродствомъ», своей бѣдностью, незначительностью, но старается сохранить «форму». Иногда ему удается еще причинить кому нибудь боль — тогда онъ совсѣмъ доволенъ собой... De-profundis... На извѣстной глубинѣ всѣ человѣческія души отчасти повторяются. Надо умѣть «зачерпнуть». Тэффи сумѣла.

Трогательны и волнующи «Кусочки изъ воспоминаній» Мих. Осоргина. Именно такъ — отрывочно, въ формѣ записей въ дневникъ — и можно подходить къ изображенію «вздыбленнаго» русскаго быта.

Несомнѣнный историко - литературный интересъ представляетъ очеркъ Зин. Гиппіусъ — «Задумчивый Странникъ» (В. В. Розановъ). Этотъ очеркъ не только является мастерской попыткой разобраться въ психологической загадкѣ Розанова, но и представляетъ мемуарный интересъ. Авторъ попутно зарисовываетъ портреты Карташева, Тернавцева, Скворцова и другихъ лицъ, группировавшихся вокругъ «религіозно - философскихъ собраній» и «Новаго Пути». Эту же среду описываетъ и Андрей Бѣлый въ своихъ воспоминаніяхъ, но дѣлаетъ онъ это съ обычной своей взвинченностью, сумбурностью и съ подтѣлкой — именно подтѣлкой — подъ розановщину. Воспоминанія Зин. Гиппіусъ — гораздо спокойнѣе и объективнѣе и пріобрѣтаютъ, поэтому, несравненно большій историческій интересъ.

Почему, однако, авторъ озаглавилъ свой очеркъ «Задумчивый Странникъ»? Почему — «странникъ»? Этотъ трафаретный образъ нисколько не соотвѣтствуетъ парадоксальной личности Розанова. Розановъ, какъ мѣтко замѣчаетъ Зин. Гиппіусъ, скорѣе «явленіе», чѣмъ «человѣкъ». Почему же — «странникъ»? Заглавіе очерка, впрочемъ, — несущественно. Г-жа Гиппіусъ даетъ мастерской портретъ Розанова — всегда «интимнаго», «шепотнаго». Въ какомъ бы обществѣ, въ какой бы средѣ онъ ни находился, онъ всегда наединѣ, всегда «несклоняемый». Розановъ — меньше всего «писатель». «Писанье, или, по его слову «выговариванье», было у него просто функціей». Онъ писалъ, какъ организмъ дышетъ. Ему чужды были муки творчества, процессъ отбора, самокритики. Отсюда — смѣсь важнаго и пустяковъ, «грязцо», цинизмъ. Его занимали только двѣ проблемы — Богъ и полъ. Его страстная привязанность къ еврейству и столь же страстное отталкиваніе отъ него объясняются тѣмъ, что въ іудаизмѣ онъ нашелъ ощутительную связь Бога съ поломъ. Этотъ вожделѣнный синтезъ и влекъ, и отталкивалъ его. И отсюда — его дифирамбы еврейству и бредовыя статьи въ «Земщинѣ» во время дѣла Бейлиса.

Очень цѣнны для уразумѣнія парадоксальнаго облика Розанова свѣдѣнія, сообщаемыя г-жей Гиппіусъ — кажется, впервые — о первой женѣ его, бывшей любовницѣ Достоевскаго.

Сборникъ заканчивается интересной статьей М. Л. Гоффмана о неизданныхъ рукописяхъ Пушкина. Авторъ впервые опубликовываетъ нѣкоторые автографы поэта изъ цѣннаго собранія великаго князя Константина Константиновича (К. Р.).

М. Бенедиктовъ

Л. ТРОЦКІЙ — Война и революція. I - II Государственное Издательство Москва, 1924 года.

Въ этихъ двухъ объемистыхъ томахъ большевистскій вельможа собралъ свои старыя газетныя статьи написанныя за время съ начала войны. Цѣль изданія — выявить передъ коммунистич. молодежью «вчерашній день», «непосредственно-подготовительный періодъ передъ октябрьской революціей и возникновеніемъ III интернаціонала». Война застала Троцкаго въ Вѣнѣ, гдѣ онъ жилъ тогда седьмой годъ, дабы при вступленіи на австрійскую почву подписку подчиниться первому требованію объ оставленіи территоріи. Въ первые же дни войны, 3-4 августа, онъ былъ высланъ и въ сопровожденіи австро-венгерскихъ полицейскихъ доставленъ въ Швейцарію. Здѣсь онъ получилъ предложеніе отъ редакціи *Кіевской Мысли*, выѣхать въ Парижъ, въ качествѣ военнаго корреспондента. Онъ охотно принялъ его, чтобы «имѣть возможность и на страницахъ *Кіевск. Мысли* вести борьбу противъ плутней и преступленій секретныхъ дипломатовъ на Балканахъ». Въ августѣ 1916 г. его выслали изъ Франціи. Англія, Италія и Швейцарія отказались впустить. Пришлось поѣхать въ Испанію. Въ концѣ декабря онъ уѣхалъ въ Америку, откуда, уже при Временномъ Правительствѣ вернулся въ Россію.

Большинство статей, помѣщенныхъ въ настоящемъ изданіи, было напечатано въ парижскихъ пораженческихъ органахъ *Голосъ* и *Наше Слово* и въ нью-іоркской газетѣ *Новый Міръ*. Въ предисловіяхъ, коими снабженъ каждый томъ, авторъ даетъ характеристики моментовъ, къ которымъ относятся статьи даннаго тома. Характеристики крайне односторонніе, приспособленныя ко времени выхода книги въ свѣтъ, но для историка революціоннаго періода небезынтересныя.

Въ парижскомъ *Нашемъ Словѣ* сотрудничалъ Мартовъ, и газета полемизировала съ выходившимъ въ Швейцаріи органомъ Ленина *Соціалъ-Демократъ*. Теперь Троцкій заявляетъ, что «критика *Соціалъ-Демократа* была безусловно правильна и помогла лѣвому крылу редакціи (понимай, ему, Троцкому), вытѣснить Мартова и тѣмъ придать газетѣ, послѣ циммервальдской конференціи, болѣе опредѣленный и непримиримый характеръ». Учиться молодежи по этимъ двумъ томамъ недавней исторіи, конечно, не надо: объективной истины она въ нихъ не обрѣтетъ. Самый характеръ статей — по большей части хлестко-полемическихъ — мало, для этого пригоденъ.

С. П.

ЖИВАЯ НОРА

Та, съ кого Ибсенъ написалъ свою Нору, жива до сихъ поръ. Ей 75 лѣтъ и зовутъ ее Лаура Килеръ. Она норвежская писательница. Часто спорили, что сталось съ Норой, послѣ того, какъ она покинула свой «кукольный домъ». Дѣлались всякія предположенія, но никто не угадалъ истины. Нора стала писательницей. Лаура Килеръ не пишетъ чувствительныхъ романовъ, она работаетъ на серьезныя «мужскія» темы — преимущественно по международной политикѣ и литературной критикѣ. Особенно много писала она по шлезвигскому вопросу, требуя возвращенія Шлезвига Даніи. По матери Лаура Килеръ — датчанка. И она говоритъ, что большую радость въ ея печальной жизни принесъ Версальскій договоръ, вернувшій Даніи Шлезвигъ.

Лаура была дочерью чиновника въ Тромсэ, маленькомъ городкѣ на сѣверѣ Норвегіи. Ибсеновскій «Брандтъ», появившійся въ 1866 году, произвелъ очень сильное впечатлѣніе на молодую дѣвушку. Духъ протеста нашелъ откликъ въ молодой душѣ, и она написала большое письмо Ибсену, что то вродѣ комментарія къ драмѣ. Завязалась переписка, и Ибсенъ пригласилъ свою незнакомую корреспондентку пріѣхать въ Копенгагенъ. Писателя ждалъ пріятный сюрпризъ. Вмѣсто «синяго чулка», Ибсенъ встрѣтилъ веселую и живую дѣвушку, и сразу далъ ей прозвище «жаворонокъ». Лаура сдружилась съ женой Ибсена, жила у нихъ въ имѣніи подъ Дрезденомъ и скоро вышла замужъ за профессора Килера. Ибсенъ сталъ частымъ гостемъ молодой четы. Ему нравился ихъ нарядный домъ, который онъ назвалъ клѣткой жаворонка и кукольнымъ домикомъ. Дружба длилась до появленія «Норы». Лаура сейчасъ же узнала себя въ героинѣ пьесы. Это ея «кукольный домъ» изобразилъ Ибсенъ, и событіе ея жизни послужило сюжетомъ драмы. Какъ и Нора, Лаура была кокеткой и, какъ Нора, она дѣлала долги, безъ вѣдома мужа. Но, правда, она тратила деньги не только на наряды, но и на леченіе своего мужа, серьезно больного.

О долгахъ Лауры стали говорить въ копенгагенскомъ обществѣ, провинціальномъ и лицемѣрномъ. Особенно враждебно былъ настроенъ противъ нея Брандесъ, которому не нравились уже тогда германофобскія чувства Лауры. Ее обвинили чуть ли не въ подлогахъ, и мужъ былъ потрясенъ, когда исторія съ долгами раскрылась. Послѣдній ударъ семейному счастью нанесла пьеса Ибсена, сыгранная въ 1879 году. Вся Скандинавія узнала, что Лауру Килеръ взялъ знаменитый драматургъ моделью для своей героини.

Но Лаура Килеръ не покинула ни мужа, ни дѣтей, ни своего кукольнаго домика. «Это тогда еще не дѣлалось» — говоритъ она сама теперь, вспоминая о далекихъ годахъ. Она лишь потеряла веселость птички и стала работать. Лаура не знала больше беззаботнаго счастья. Нора превратилась въ усердную, трудолюбивую писательницу. Ибсенъ и Лаура Килеръ сдѣлались врагами и разошлись на политическихъ путяхъ. Ибсенъ примкнулъ къ партіи Брандеса, а Лаура Килеръ начала, не прерывавшуюся много лѣтъ, кампанію за отнятіе Шлезвига у нѣмцевъ.

Съ Брандесомъ она не примирилась. Но съ Ибсеномъ ей пришлось встрѣтиться въ Копенгагенѣ въ 1902 году, за четыре года до его смерти. Лаура разсказала ему откровенно, какое горе принесла его пьеса и старый писатель плакалъ, слушая грустную повѣсть живой Норы. Но нельзя было уже исправить сдѣланнаго. Передъ Ибсеномъ сидѣла 53-хъ лѣтняя сѣдая женщина, и онъ могъ лишь просить у нея прощенія И до своей смерти Ибсенъ остался другомъ Лауры Килеръ. Теперь — она старая, все еще изящная женщина съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами. Но въ улыбкѣ ея сохраняется до сихъ поръ очарованіе прообраза Норы.

К.

КНИГИ ДЛЯ ОТЗЫВА

Въ редакцію «Послѣднихъ Новостей» поступили слѣдующія книги:

«Златоцвѣтъ» ном. 1. Журналъ художественный и литературный подъ редакц. П. Г. Бережанскаго. Из. О. Дьяковой и Комп. Берлинъ.

Георгій Поповъ. Стремящимся въ Россію. Берлинъ 1924 г. Изд. «Наши проблемы».

Проф. С. Метальниковъ. Проблема безсмертія и омоложенія въ современной біологіи. Берлинъ 1924 г. Изд. «Слово».

Prof. Nicolas Milieff: La Macédoine inquiète. Sofia, 1923.

L. Némanoff: La Crise Balkanique. Sofia, 1924.

G. Badjaroff: La Question Macédonienne dans le passé et le présent. Sofia, 1923.

Книжнымъ складомъ «Я. Поволоцкій и К-о» въ редакцію «Послѣднихъ Новостей» присланы слѣдующія книги:

Окно — литературный сборникъ.

«Тайна жизни и смерти по ученію теософовъ».

Чеславъ Буткисъ — «Совѣтская Россія въ сатирѣ».

Левъ Шестовъ — «Власть ключей».

Эса де Кейрошъ — «Переписка Фрадека Мендеша».

Справочникъ по Парижу на 1924 г.

Цехъ Поэтовъ книга 4.

ХРОНИКА

РѢЧЬ ПУАНКАРЭ

На банкетѣ президентовъ торговыхъ палатъ, Пуанкарэ выступилъ съ большой рѣчью, въ которой, между прочимъ, коснулся и внѣшней политики правительства.

— Мы говорили и повторяли, сказалъ премьеръ, что Франція охотно приметъ заключенія экспертовъ, поскольку они будутъ одобрены репараціонной комиссіей. Мы говорили и повторяли, что послѣ приступа нѣмцевъ къ выполненію программы комиссіи, мы возстановимъ экономическое единство Германіи. Но мы еще не знаемъ, когда и какъ Германія выполнитъ эту программу и выполнитъ ли она ее вообще. Результаты выборовъ въ Рейхстагъ не располагаютъ насъ къ оптимизму. Мы поэтому вынуждены занять выжидательную и твердую позицію, оставаясь при рѣшеніи лишь по мѣрѣ платежей Германіи выводить наши войска изъ Рура.

ПЕРЕДЪ ВЫБОРАМИ

Завтра, 9 мая, въ 3 час. дня, состоится въ залѣ Ваграмъ предвыборный митингъ, устраиваемый правительственной партіей («Республиканскій союзъ національнаго единенія»). Съ рѣчами выступятъ: Бокановскій, Луи Роллэнъ, Жанъ Фабри и Анри Потэ.

ДѢТИ НА ПОДМОСТКАХЪ

Министромъ народнаго просвѣщенія обращено вниманіе на частое появленіе на подмосткахъ парижскихъ театровъ малолѣтнихъ дѣтей. Анри де Жувенель снесся по этому поводу съ министромъ труда, прося его отдать категорическое распоряженіе о надзорѣ за исполненіемъ закона, регулирующаго дѣтскій трудъ.

По общему правилу, владѣльцамъ театровъ и варьетэ не разрѣшается пользоваться трудомъ дѣтей моложе 13 лѣтняго возраста. Въ рѣдкихъ случаяхъ, разрѣшается участіе въ публичныхъ представленіяхъ дѣтей не моложе 9 лѣтъ, но при условіи принятія мѣръ по охранѣ физическаго здоровья дѣтей. Эти правила далеко не соблюдаются въ настоящее время въ Парижѣ.

АРТИСТЪ - УБІЙЦА

Въ парижскомъ судѣ закончилось слушаніемъ дѣло бывшаго артиста театра Шатлэ Макса Дернбурга по обвиненію въ убійствѣ съ цѣлью грабежа своей сожительницы — артистки того же театра Люси Леду.

Подсудимый приговоренъ къ безсрочной каторгѣ.

11 МАЯ

Въ виду назначенія парламентскихъ выборовъ на 11 мая — день празднованія памяти Жанны Д-Аркъ, традиціонная процессія въ честь святой въ этотъ день не состоится.

АРЕСТЪ БАНКИРА

По распоряженію судебныхъ властей, арестованъ бывшій директоръ торгово-промышленнаго банка Жоржъ Барбе, обвиняемый въ злостномъ банкротствѣ. Торгово-промышленный банкъ, директоромъ котораго состоялъ арестованный, помѣщался на ул. Вандомъ, ном. 16, и недавно прекратилъ платежи. Пассивъ банка достигаетъ 1.200.000 фр.

МИЛЬЕРАНЪ ВЪ САЛОНѢ

8 мая Мильеранъ, въ сопровожденіи директора своего кабинета Жака Вомлара, посѣтилъ салонъ французскихъ художниковъ въ Гранъ-Палэ.

КРАСНЫЙ АРХИВЪ

ПОБѢДОНОСЦЕВЪ ПОСЛѢ 1 МАРТА. — ДНЕВНИКЪ А. А. ПОЛОВЦЕВА. — ПЕРЕПИСКА СУХОМЛИНОВА И ЯНУШКЕВИЧА. — НЕЧАЕВЪ ВЪ АЛЕКСѢЕВСКОМЪ РАВЕЛИНѢ.

Изъ нѣсколькихъ историческихъ журналовъ, издающихся въ Россіи, «Красный Архивъ» наиболѣе интересный. Какъ органъ «Центральнаго Архива Р.С.Ф.С.Р.», онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи все огромное богатство документовъ и матеріаловъ, раскрывшихся для историка послѣ революціи. Къ сожалѣнію, публикація ихъ идетъ очень медленно, часто безъ достаточной научной серьезности, и вмѣсто десятковъ книгъ и изданій, для которыхъ есть богатѣйшіе источники, появляются рѣдкіе томы. Но съ тѣмъ большимъ интересомъ берешься за то, что выходитъ и доходитъ сюда изъ Россіи. Сейчасъ передъ нами третій и четвертый томы «Краснаго Архива», послѣдніе появившіеся. Исчерпать содержаніе этихъ двухъ толстыхъ книгъ (свыше 400 стр. каждая), конечно, невозможно. Остановимся лишь на нѣкоторыхъ статьяхъ и страницахъ документовъ.

Къ первымъ недѣлямъ послѣ цареубійства 1 марта переносятъ насъ письма Побѣдоносцева къ Александру III-му не вошедшія почему то въ отдѣльное изданіе переписки Побѣдоносцева. Эти семнадцать писемъ написаны въ мартѣ и апрѣлѣ 1881 г., когда молодой императоръ долженъ былъ рѣшить судьбу Лорисъ Меликовской конституціи подписанной Александромъ II въ самый канунъ гибели. Побѣдоносцевъ все сдѣлалъ, чтобы въ дни колебаній и сомнѣній склонить на свою сторону волю царя. Онъ не довольствуется личными свиданіями съ Александромъ III. Почти каждый день пишетъ онъ ему большія письма. «Часъ страшный, и время не терпитъ. Или теперь спасать Россію и себя,—или никогда» «Если — пишетъ онъ въ мартѣ — если будутъ вамъ пѣть прежнія пѣсни сирены о томъ, что надо успокоиться, надо продолжать въ либеральномъ направленіи, надобно уступить такъ называемому общественному мнѣнію о, — ради Бога, не вѣрьте ваше величество, не слушайте. Это будетъ гибель, гибель Россіи и ваша: это ясно для меня, какъ день. Безопасность ваша этимъ не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодѣи, погубившіе родителя вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только разсвирѣпѣютъ. Ихъ можно унять, злое сѣмя можно вырвать только борьбой съ ними не на животъ, а на смерть, желѣзомъ и кровью... Весь народъ ждетъ вашего властнаго на это рѣшенія и какъ только почуетъ державную волю, поднимется, все оживится, и въ воздухѣ посвѣжѣетъ. Народъ возбужденъ, озлобленъ, и если еще продлится неизвѣстность, можно ожидать бунтовъ и кровавой расправы...»

И дальше — настойчивые совѣты поскорѣе уволить министровъ — сторонниковъ реформъ. «Не оставляйте графа Лорисъ-Меликова. Я не вѣрю ему. Онъ фокусникъ и можетъ еще играть двойную игру». «Новую политику надобно заявить немедленно и рѣшительно. Надобно покончить разомъ, именно теперь, всѣ разговоры о свободѣ печати, о своеволіи сходокъ, о представительномъ собраніи. Все это ложь пустыхъ и дряблыхъ людей, и ее надобно отобрать ради правды народной и блага народнаго». «Страхъ беретъ меня, когда я думаю — что вы одиноки и не на кого вамъ опереться. Ради Бога, если бы вы пожелали ближе поговорить о томъ, что я пишу, прикажите мнѣ явиться — я каждый часъ и каждую минуту на службѣ вашей. Боже! Боже! Спаси насъ! Но мы должны и должны дѣйствовать» такъ кончается письмо.

Прошло полтора мѣсяца въ «состояніи нерѣшительности» у царя, и съ настойчивостью и ежедневной докукой» являлся къ нему Побѣдоносцевъ. «Въ нынѣшніе часы, когда душа моя ежеминутно болитъ и трепещетъ за васъ и Россію, какъ я могу молчать или бездѣйствовать и покоиться» пишетъ онъ 26 апрѣля, представляя редакцію манифеста, «въ коемъ каждое слово взвѣшено». «Вся Россія ждетъ такого манифеста и приметъ его съ восторгомъ. Вы изволите усмотрѣть, что тутъ съ намѣреніемъ выражена твердая воля охранять самодержавную власть — самое существенное, послѣ чего должны уже замолкнуть толки, что сегодня или завтра явится конституція».

Александръ III подписалъ манифестъ, не извѣстивъ о томъ министровъ. Въ засѣданіи министровъ манифестъ явился полной неожиданностью.

«Смущеніе было общее пишетъ Побѣдоносцевъ 29 апрѣля. — но, кромѣ смущенія, у нѣкоторыхъ явно высказывалась досада. Лорисъ - Меликовъ и Абаза сочли себя обиженными. Они съ Милютинымъ удивлялись, можно ли послѣ того засѣданія 21 марта, гдѣ государь «выразилъ довѣріе къ нимъ» и, такъ сказать, вступилъ съ ними въ «соглашеніе», издать такой актъ безъ совѣщанія съ ними. И Лорисъ и Абаза заявили свое намѣреніе просить объ увольненіи. Спрашивали, кто писалъ манифестъ. Разумѣется, я сказалъ, что писалъ я, по приказанію вашего величества. Затѣмъ я молчалъ, пока они говорили — не потому, что я не имѣлъ, что сказать, но для того, чтобы они не подумали, что я говорю отъ вашего имени». Манифестъ былъ опубликованъ 29 апрѣля. «Только что встало утро 29 числа — пишетъ Побѣдоносцевъ, — многіе за васъ молятся, да сохранитъ васъ Господь и да благословитъ».

***

Очень цѣнны и по обилію фактовъ и для настроенія правящихъ круговъ времени Николая II обширные дневники А. А. Половцева за 1900 - 1908 г.г. Старый членъ Государственнаго Совѣта, человѣкъ самаго высокаго петербургскаго общества, любитель искусства, предсѣдатель императорскаго историческаго общества, Половцевъ былъ однимъ изъ послѣднихъ русскихъ вельможъ. Консерваторъ по убѣжденіямъ, онъ съ тревогой и печалью наблюдалъ, что «дѣлается въ руководящихъ судьбами отечества сферахъ». «Странно сказать, но начинаетъ чувствоваться что то похожее на павловское время» — записываетъ онъ въ 1900 году «Глубоко грустныя впечатлѣнія о времени, переживаемомъ отечествомъ, увожу съ собой» — отмѣчаетъ онъ въ концѣ 1902 г., передъ отъѣздомъ заграницу «Благодаря ничѣмъ не сдерживаемому чиновничьему произволу, безсмысленнымъ бюрократическимъ фантазіямъ, регламентаціи, доходящей до комизма, отсутствію всякой здравой, предварительно обсужденной политики, капризному вмѣшательству въ дѣла, а въ особенности въ выборъ людей императрицъ великихъ князей, княженъ и окружающей ихъ толпы негодяевъ, русскій народъ все болѣе и болѣе приходитъ въ угнетенное бѣдственное положеніе. Терпѣніе его ослабѣваетъ, почва для анархіи дѣлается все болѣе плодотворной. Юный царь, которому отовсюду напѣваютъ, что спасеніе въ самодержавіи, невѣрно понимаетъ эту глубокую истину и даетъ Россіи не царское, а чиновничье самодержавіе. Россію ожидаютъ великія бѣдствія».

Дневники Половцева — превосходное добавленіе къ той картинѣ эпохи Николая II, которую далъ въ своихъ мемуарахъ Витте.

Переписка Сухомлинова, военнаго министра, и ген. Янушкевича, начальника штаба верховнаго главнокомандующаго опубликованная «Краснымъ Архивомъ» относится къ первой половинѣ 1915 года. Измѣна Мясоѣдова и неудачи на фронтѣ, вслѣдствіе отсутствія снарядовъ, раскрыли настолько возмущающія язвы въ военномъ вѣдомствѣ, что замазывать ихъ стало невозможно. О нихъ и пишутъ другъ другу больше всего руководитель фронта и глава военнаго тыла.

«Дѣло Мясоѣдова будетъ, вѣроятно ликвидировано въ отношеніи его самого сегодня или завтра — сообщаетъ Янушкевичъ. О Мясоѣдовѣ нѣтъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Кн. Андрониковъ (извѣстный темный дѣлецъ изъ распутинской компаніи **Н. В.**) отлично могъ бы быть ему парнымъ компаньономъ. Оба другъ друга достойны. Мнѣ обидно за васъ, что эти два низкихъ негодяя когда то пользовались вашимъ довѣріемъ и за спиной творили пакости». «Вчера совершился судъ надъ измѣнникомъ — пишетъ черезъ нѣсколько дней Янушкевичъ. Теперь постепенно, по мѣрѣ ихъ виновности, изъ рукъ гражданской прокуратуры перейдутъ и остальные главнѣйшіе виновники этого кошмарнаго для арміи и русскаго общества дѣла». Сухомлиновъ отвѣчаетъ: «Только что узналъ изъ вашего письма, что заслуженная кара состоялась. Что это за негодяй, можно судить по его письмамъ, которыя онъ мнѣ писалъ — шантажныя — когда я его уволилъ. Но хорошъ же и Гучковъ съ Поливановымъ, которые не пожелали дать никакихъ данныхъ при слѣдствіи, чтобы выяснить этого гуся своевременно». Ненависть Сухомлинова къ Гучкову раздѣлялъ и Янушкевичъ: «Гучкова бы повѣсилъ съ наслажденіемъ» — пишетъ онъ.

Мясоѣдовское дѣло раскрыло одно только кольцо измѣннической цѣпи. «Сейчасъ узелъ событій на Карпатахъ — пишетъ Янушкевичъ. "Надо успѣть предупредить. Очень опасаюсь, что и тамъ есть свой Мясоѣдовъ. Такъ это чувствуется, что волосы дыбомъ становятся». «Какой ужасъ — пишетъ Сухомлиновъ послѣ пожара поѣзда со снарядами въ Гатчинѣ. Очень похоже на то, что это злой умыселъ».

Недостатокъ патроновъ и снарядовъ уже черезъ четыре мѣсяца послѣ начала войны сталъ угрожающимъ. «Сейчасъ самая тревога патроны — пишетъ Янушкевичъ. Ихъ нѣтъ. По 2 - 3 раза въ день фронты просятъ патроновъ, а ихъ нѣтъ. Жутко на душѣ». «Очищенъ Перемышль изъ за недостатка патроновъ». «Изъ всѣхъ армій вопль: дайте патроны». «Вчера на участкѣ одного изъ полковъ нѣмцы выпустили 3 тысячи тяжелыхъ снарядовъ. Съ нашей же. У насъ было выпущено едва 100». «Съ позиціи идутъ не съ шепотомъ, а съ криками: «нѣтъ снарядовъ, нѣтъ винтовокъ, нечѣмъ драться, помогите!» То же и нѣмцы».

На эти трагическія сообщенія Сухомлиновъ отвѣчалъ обвиненіями главнаго артиллерійскаго управленія, во главѣ котораго стоялъ великій князь Сергѣй Михайловичъ. «Шесть лѣтъ я всеподданнѣйше докладывалъ объ этомъ неблагополучіи въ военномъ вѣдомствѣ, но безъ всякихъ послѣдствій». «Вообще главное артиллерійское управленіе какъ было болотомъ подъ высокимъ покровительствомъ, такъ и по сей часъ таковымъ и осталось. Рѣшили мы съ Маниковскій не стѣсняться и круто взяли руль право на бортъ. Говорятъ кое кто въ ярости, и можно ожидать всякихъ послѣдствій».

Въ іюлѣ Сухомлиновъ былъ уволенъ. Много разъ писалъ онъ Янушкевичу объ интригахъ и сплетняхъ противъ него и жены и теперь сообщаетъ объ отставкѣ спокойно и меланхолично. «Я буду счастливъ, если съ моимъ уходомъ дѣла наши вообще въ Россіи пойдутъ лучше. Можетъ быть, я приносилъ несчастье, и моя рука, какъ я думалъ, не была такой легкой».

***

П. Е. Щеголевъ, на основаніи документовъ департамента полиціи, разсказываетъ о девятилѣтнемъ (1873-1882 г.г.) пребываніи Нечаева въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Среди сильныхъ фигуръ русскихъ революціонеровъ Нечаевъ былъ совершенно исключительнымъ явленіемъ по закалу воли, непреклонности убѣжденій и способности вліять на людей, съ которыми его сталкивала судьба. Теперь, когда впервые цѣликомъ раскрываются тайны камеры, гдѣ былъ навсегда заключенъ «извѣстный арестантъ» (такъ именовался Нечаевъ въ офиціальной перепискѣ) [illegible] ну до конца [illegible] Нечаева дѣйствительно [illegible]

[illegible] каянію, къ душевному ослабленію своихъ плѣнниковъ, пусть только временному, на время слѣдствія и заключенія Нечаевъ не измѣнилъ своей революціонной цѣльности и войной за нее была заполнена вся его жизнь въ равелинѣ.

Еженедѣльныя донесенія смотрителя равелина о поведеніи «арестованнаго подъ ном. 5», прошенія Нечаева царю и шефу жандармовъ, подробная записка о бумагахъ Нечаева рисуютъ шагъ за шагомъ долголѣтнюю борьбу, которую велъ «узникъ въ силу беззаконія и вопіющаго произвола томящійся въ кельѣ Петропавловской крѣпости эмигрантъ учитель Сергѣй Нечаевъ», какъ подписалъ онъ въ 1873 году прошеніе на высочайшее имя о пересмотрѣ его дѣла.

Годами требовалъ Нечаевъ возможности имѣть книги, чернила, записную книжку. Въ этой борьбѣ на одной сторонѣ была вся мощная машина полицейской власти, а на другой — тюремный узникъ «проводящій скучные, мучительные дни въ хожденіи изъ угла въ уголъ по каземату, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ, — проводя еще болѣе мучительныя безсонныя ночи въ слушаніи безумныхъ воплей несчастнаго сосѣда (это былъ Бейдманъ), доведеннаго одиночнымъ заключеніемъ до ужаснаго состоянія, — содрогаясь при мысли, что и меня въ будущемъ ждетъ такая же участь, если не измѣнятся условія праздной жизни, разслабляющей физическія и умственныя силы». Такъ характеризовалъ свое состояніе Нечаевъ въ 1880 г. въ прошеніи на имя директора департамента полиціи. Оно осталось безъ результатовъ.

***

У насъ есть мѣсто только чтобы просто отмѣтить еще нѣкоторые матеріалы разсматриваемыхъ книжекъ «Краснаго Архива». Это всеподданнѣйшіе доклады С. Д. Сазонова за 1910-12 г.г., цѣнная для исторіи начала войны поденная запись событій съ 3 по 20 іюля 1914 года, которая велась въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, переписка Коковцева [illegible]

Н.